

Марта Бјелетић, *ИС^{КО}ВРНУТИ ГЛАГОЛИ*.

Тийови експресивних превербалних форманаџа (на српском и хрватском језичком материјалу). Институт за српски језик САНУ.
Монографије 2. Београд, 2006, 489 с.

В словарном составе славянских языков немало слов, этимологизация которых на основе регулярных словообразовательных отношений не приводит к убедительным результатам. По мере углубления наших знаний о структуре славянского слова все большее внимание привлекают к себе выделяемые этимологическим путем особые форманты, которые участвуют в образовании экспрессивно окрашенных имен и глаголов. В истории славистики первым Ф. Миклошич в «Сравнительной грамматике славянских языков» обратил внимание на присутствие префиксальных формантов *ko-*, *ka-* в составе некоторых славянских слов. В дальнейшем по мере развития этимологии углублялось понимание того, что происхождение многих слов можно объяснить при условии допущения в их структуре особых формантов, выполняющих экспрессивную функцию. Особым вниманием исследователей пользовались образования именные и глагольные, осложненные преф. **ko-*, **ka-*, **će-*, **pa-*, **še-*. Наряду с работами, посвященными отдельным формантам, периодически появляются статьи, в которых разрабатываются этимологии, основанные на выделении в морфологической структуре слова мертвых префиксов. Эти форманты, входящие в структуру глаголов, вызывают негативную модификацию основного значения и тем самым маркируют глаголы и вводят их в круг экспрессивных образований. Накоплен определенный опыт в изучении этой словообразовательной категории, в самом общем виде намечен инвентарь архаичных форматов, на отдельных примерах показано, как проявляется действие той или иной архаичной словообразовательной модели.

Исследование М. Белетич, посвященное анализу специфических словообразовательных формантов, неизвестных современным славянским языкам, но достаточно широко засвидетельствованных в сербских и хорватских диалектах, расширяет общее пространство словообразовательных отношений, тем самым углубляет и расширяет наши знания о системе славянского словообразования. Впервые осуществлен переход от спорадического изучения отдельных формантов и отдельных глагольных образований к фронтальному исследованию этой категории слов на материале сербского и хорватского языков. Исследование ориентировано на выделение особой словообразовательной категории, действие которой приходится на позднеславянский период и эпоху самостоятельного развития славянских диалектов. В задачи работы входит 1) инвентаризация основных типов экспрессивных формантов, участвующих в оформлении глаголов, 2) определение законов функционирования выделенных формантов, 3) выявление лексико-семантической сферы их действия, 4) определение статуса экспрессивных элементов в словообразовательной системе сербского и хорватского языков (с. 19–20). Основным источником материала стала лексика, почерпнутая из диалектов как штокавских, так и кайкавских и чакавских. Выбирая в качестве объекта исследования материал одного славянского языка, автор опирается на положение О.Н. Трубочева о перспективности исследования «славянского словообразования в целом (или его фрагментов) через призму словообразования одного из славянских языков» (Трубочев 1968: 67). Решающая роль в раскрытии морфемного состава глагольных образований отводится этимологическому анализу. Впервые в работе М. Белетич в систематизированном виде представлен инвентарь экспрессивных формантов, выделяемых в составе сербохорватских глаголов, и инвентарь глаголов, способных соединяться с теми или иными формантами. Результатом исследования стало установление постоянно чередующихся вариантов префиксов, определение закономерностей семантических отношений, уточнение состава этимологических гнезд (с. 21).

Работа состоит из двух взаимосвязанных и взаимно дополняющих друг друга разделов. Первый раздел посвящен отдельным экспрессивным префиксам, этимологически выделяемым в глаголах: *a-*, *jb-*, **pa-*, **pra-*, **sq-*, **q-*, **la-*, **kV-*, *čV-*, *šV-*, *xV-*, *gV-*, **tV-*, **bV-*, *mV-*, где *V* гласный (с. 25–119). Вслед за обзором литературы по каждому префиксу приводится материал, при этом первыми приво-

дятся формы, которые уже были предметом анализа в литературе, а затем формы, которые еще никем не рассматривались. Формы расположены не в алфавитном порядке, как можно было бы ожидать. В основу распределения материала положен принцип частотности. Исследование построено в форме этюдов. В этюдах, посвященных отдельным префиксам, приведены примеры на участие форманта в образовании разных глаголов, засвидетельствованных в основном в диалектах.

В значительном по объему втором разделе книги (с. 123–374) исследуемый материал обзревается уже по глаголам, в оформлении которых в сербских диалектах участвуют экспрессивные форманты. Для каждого из исследуемых глаголов приводится полный набор образований с экспрессивными формантами. Каждому из таких глаголов посвящен отдельный этюд, в общей сложности в работе более 40 этюдов. В основу построения таких этюдов положен следующий принцип: в заглавие вынесен основной глагол, к нему списком приводятся экспрессивные образования с односложными и двусложными формантами, характеризуется семантика этих образований, затем с помощью знака → дается отсылка к глаголу, семантикой которого мотивирован весь ряд образований, рассматриваемых в этом этюде. В заключительной части этюда дается этимологический комментарий. Для форм, уже анализированных в литературе, комментарий сводится к ссылкам и цитированию основных работ, к критическому анализу разных этимологических версий, в ряде случаев автором предлагаются собственные этимологические разработки.

Впервые в книге М. Белетич категория экспрессивных образований предстает во всем богатстве и многообразии. Впервые в практику научных исследований вводится большой пласт лексики, практически не изученной. Необходимо особо подчеркнуть, что сербские и хорватские диалектизмы, расширенные экспрессивными префиксами, впервые стали предметом специального изучения в книге М. Белетич. Лексика, исследуемая в настоящей работе, как правило, остается на периферии славянских словарей, редко она попадает в зону внимания авторов этимологических словарей. В подавляющем большинстве случаев слова, осложненные экспрессивными формантами, не вошли в словарь Скока. Лишь единичные образования с экспрессивными формантами рассматривались в литературе. Так, в списке префиксальных образований гл. *mèzīai̯ti*

'добывать сок', 'набираться сока (о деревьях)' (ср. *īe-mézīaiīi*, *naīe-mézaiīi* и т.д.) только одно образование – гл. *isīomézīaiīi* 'избить, истолочь, отколотить' (с. 263) попало в поле зрения исследователей. Среди префиксальных образований гл. *мрачiiи (се) / мрчiiи (се)* только гл. *наiумрачiiи се, насiумрачiiи се* и *накоiумрачiiи се* упоминались в литературе как возможные экспрессивные образования и т.д. Из всего многообразия экспрессивных образований от гл. *мрейiiи, -мриiiи, -мерiiи* в словаре Скока отмечен только один гл. *шемериiiи* (с. 277–278). Не упомянуты гл. *ча-мрè-јем, чà-мрим* в ЭССЯ. П. Скоком не отмечено ни одно из префиксальных образований гл. *мриiийiiи се*. И список подобных пропусков легко может быть продолжен.

Предлагаемая автором интерпретация этимологически трудных лексем базируется на исчерпывающем знании литературы, разных этимологических версий. Обозревая разные подходы к истолкованию трудных слов, автор оценивает степень вероятности каждого из предложенных в литературе решений и, признавая одно из них наиболее вероятным, в ряде случаев приводит дополнительные аргументы в пользу такого решения. Лексический материал, извлеченный из самых разных источников, документирован. Важной составной частью исследования являются сноски. В работе 860 сносок, набранных петитом. На долю сносок приходится значительная часть (не меньше трети) общего объема книги. В сноски вынесены почерпнутый из диалектов дополнительный лексический материал, более подробные сведения о семантике слова, а также попутные замечания, т.е. все то, что требует отдельного или дополнительного объяснения.

В заключительном разделе (с. 377–394) исследования освещаются вопросы генезиса экспрессивных формантов, характеризуются особенности системы экспрессивных префиксов (наличие двусложных префиксов, варьирование различных экспрессивных префиксов, агглютинация как способ расширения основы префиксальными элементами и т.п.), выделены основные лексико-семантические группы, в которых чаще всего появляются экспрессивные форманты ('кривиться', 'гримасничать', 'поставить на неудобное место', 'важничать, держать себя надменно, заносчиво' и т.д.), определяется статус экспрессивных формантов в словообразовательной системе языка (характер отношений обычных и экспрессивных формантов и т.п.). Итогом исследования стал вывод о том, что экспрессивные

префиксы образуют самостоятельную систему, функционирующую по своим собственным законам. Система экспрессивных префиксов состоит из ограниченного числа элементов. Напротив, лексика с экспрессивными префиксами образует открытую систему с неограниченным числом комбинаций экспрессивных формантов.

К работе приложено краткое резюме на английском языке (с. 421–429). Большую ценность имеет библиография, которая с исчерпывающей полнотой представляет литературу, посвященную этой теме. Отдельным списком даны диалектные словари, послужившие источником материала. Облегчает пользование книгой словоуказатель, основную часть которого составляет список сербохорватских слов (с. 430–465). Словоуказатель дополнен списками слов по всем другим славянским языкам. Отдельно в алфавитном порядке даны слова в форме праславянской реконструкции. В словоуказатель вынесены привлеченные при этимологизации слова из индоевропейских языков.

Исследование открывает много нового в понимании морфологической структуры глаголов, относимых к числу этимологически темных. Основанием для выделения экспрессивного префикса служат параллельно существующие формы без префикса в том же или близком значении, а также однокоренные образования, в оформлении которых участвуют разные экспрессивные элементы, ср. *вр̑ьайи* ~ *а-вр̑ьайи* ~ *ба-вр̑ьайи* ~ *ѡа-вр̑ьайи* ~ *ча-вр̑ьайи* и т.д. Системный подход к анализу материала, организованному по словообразовательному и гнездовому принципу, становится важным аргументом в пользу предлагаемых в работе этимологических решений. Через призму материала, соединенного под определенным углом зрения, раскрывается морфемный состав и родственные связи темных слов, особняком стоящих в словаре. При сравнении с семантически близкими с.-хорв. *ѡувирайи*, *вирайи* 'слабеть, болеть, чахнуть' появляются основания отнести укр. диал. *ковирити* 'болеть, хворать, слабеть, изнемогать', которое в ЕСУМ определяется как неясное, к продолжениям гл. **verti*, **vьȓo*, расширенного преф. **ko-* (с. 168). При выделении префикса учитываются особенности словообразовательной системы говора, в котором отмечено экспрессивное образование. Так, продуктивность образований с двойным префиксом *с-ѡо* и наличие параллельного варианта с преф. *с-ко-* в говорах юго-восточной Сербии служит основанием для выделения в составе диал. *сковѡја* 'надоедать, досаждать' (Тимок) двойного преф. *с-* + *ко-*, а не

ско-, как можно было бы предположить, исходя из словообразовательной парадигмы (с. 177). При интерпретации в каждом конкретном случае всплывает много вопросов, обусловленных сложным переплетением семантических и фонетических процессов, поэтому трудно и далеко не всегда можно найти путь к решению вопроса и дать на него определенный ответ. В богатом, хорошо подобранном, систематизированном материале можно отметить немало примеров вполне надежных, обоснованных решений. Так, впервые в работах автора раскрыт изначальный морфемный состав с.-хорв. диал. гл. *ka-вѣгаѣи* 'влачить жалкое существование', 'существовать, жить', 'с трудом передвигаться, тащиться' (с. 155), не отмеченного в РСА и в RJA. Обнаруженный в «Ускочком словаре» Станича сербский диалектизм объясняется из **ka-вѣдати* (~ **вѣднѣти* 'вянуть'), а для его словообразовательного варианта *о-ча-вѣгаѣи* 'сильно состариться' (Лика) автор находит точное формально-семантическое соответствие в укр. диал. *за-ка-в'ядити*, *че-в'ядити*, *ча-в'ядити* 'хиреть, чахнуть', в составе которых выделяется преф. **ѡа-* (ЭССЯ 4: 31) и **ка-*. Для с.-хорв. диал. *шу-вѣрльив* 'захиревший; заскорузлый', рассматриваемого в составе производных с экспрессивными формантами в гнезде слав. **verti* (с. 163), обнаружено точное соответствие в чеш. диал. *šuvěry* 'кривой' (с корневым гласным в ступени удлинения), слов. *šuverit* (*sa*) 'искривиться' (с. 163). С раскрытием семантических возможностей производных с этим корнем расширяется и углубляется общий этимологический контекст гнезда гл. **verti*, и благодаря этому появляется понимание внутренних связей слов, не получивших объяснения в литературе (ср. *зачаворѣи* 'захиреть, завязнуть; заскорузнуть', *шаворѣи* и т.д.) (с. 163).

Большой интерес представляют обнаруженные автором индоевропейские словообразовательные параллели к славянским экспрессивным образованиям. В этой связи заслуживает внимания соотнесение русск. *морда* (< слав. **mьrda*), ср. гл. *кѡ-мргѣи* 'морщить лоб', с авест. *ka-mərəda-* 'голова' (пейоративное название божества с пейоративным преф. *ka-*) (с. 275–276).

В основном тексте и в примечаниях к нему немало интересных и тонких наблюдений. Однако в некоторых случаях были бы полезны более подробные пояснения. Так, с.-хорв. диал. *шу-вѣрльив* 'захиревший; заскорузлый' отсылается в сноске 354 (с. 163) к диал. *шу-вѣльив* 'вялый, недостаточно сочный', для которого, как пишет автор, возможна связь с диал. *ѡвельа* 'мелкая, невзрачная, невидная

особа'. Однако при этом важно иметь в виду, что при сходстве семантики и структуры (общий преф. *šu-) слова имеют разные истоки – *ver- и *ved- (<vednōti).

Интересно обнаруженное автором совпадение словообразовательной структуры гл. *за-ша-мўйїїїи* 'помутить сознание' и *за-ша-мўгїїїи* 'заворожить', соотносительных с гл. *мўїїїїи* и *мудгїїїи*, что, вероятно, можно объяснить принадлежностью к одному семантическому полю близких по форме глаголов. При этом, однако, требует дополнительных разъяснений вокализм в гл. *за-ша-маги* 'ошеломить', поставленного в один ряд с *за-ша-мўгїїїи*. Заслуживает внимания наблюдение автора (с. 307₇₀₃) о соответствии рум. *a tă-mînda* 'отложить, отсрочить' кашубской и лужицкой формам с преф. *ko-* (кашуб. *komizěc sq*). Из кашубских глаголов (ср. кашуб. *tužěc* 'медлить, тянуть время' и т.п.), рассматриваемых в связи с *мудгїїїи*, особо выделяются глаголы со значением 'дуться, сердиться', 'мгла, туман', 'угрюмый, хмурый, мрачный', которые, по мнению автора (306–307₇₀₂), ближе всего с.-хорв. *мўгїїїи се* 'злиться'. Эта группа семантически близких образований возводится к незасвидетельствованному гл. **muditi II* 'темнить; грязнить, пачкать', синонимичному праслав. **mulь* / **mulь*, **muniti (se)*, **mura*, **musa* (ЭССЯ 20), что представляется весьма спорным. Заметим, что в гнезде слав. **muditi* тот же круг выделенных значений свойствен и основам с корневым вокализмом в ступени редукции: ср. польск. *mdły* 'слабый, бессильный' и 'неясный, туманный', *mdłovi* 'туманный' и т.п. (ЭССЯ 20: 210, 206). Таким образом, в рамках гнезда с корнем **mud-* / **mьd-* есть необходимые предпосылки для развития вторичной семантики, поэтому, как нам представляется, отпадает необходимость в реконструкции гл. **muditi II*.

Лексический материал, рассматриваемый в книге, чрезвычайно труден в этимологическом отношении, поскольку экспрессивная лексика подвержена в большей степени, чем другие пласты лексики, формальным и семантическим преобразованиям, чему сопутствует сближение слов, изначально принадлежавших разным этимологическим гнездам. В этой группе лексики отношения регулярного характера частично затемнены, частично нарушены, поэтому особое внимание уделяется факторам, способствующим распаду изначальных отношений. К протекающим в диалектах процессам, которые затрудняют выявление изначальных связей, отнесены фонетические преобразования, сближение и контаминация слов на основании

некоторого сходства формального и семантического характера. Исследование основано на использовании всех приемов анализа. Любое образование рассматривается как звено, как составная часть действующей в системе языка парадигмы словообразовательных отношений, на которые наслаиваются отношения нерегулярного типа.

Естественно, что далеко не все из предлагаемых решений могут быть признаны единственно возможными. Важно то, что исследование М. Белетич стимулирует интерес к этому пласту лексики, побуждает к новым поискам, что способствует более углубленному пониманию механизма словообразовательных отношений и выявлению этимологических связей славянской лексики.

Исследование глаголов с экспрессивными формантами затрагивает целый ряд проблем, на осмысление и понимание которых направлены усилия современной этимологической науки. В раскрытии внутренних связей всё большая роль отводится семантике. Именно семантика входит в число важных аргументов при решении этимологических вопросов. Во многих случаях от понимания семантических процессов, иерархии значений, от того, насколько корректно используются приемы семантического анализа, зависит вероятность предлагаемого решения. При обосновании родственных связей в ряде случаев автор апеллирует непосредственно к исходному значению и.-е. основы, которое в самом общем виде реконструировано в словаре Покорного. При этом надо иметь в виду, что в каждой языковой группе исходная семантика преобразуется в разных направлениях. Выходу на индоевропейский уровень должен предшествовать конкретный анализ именно славянской лексики. При этом следует иметь в виду, что к общему результату могут привести разные типы мотивационных отношений. Важно не только то общее, что в плане семантики объединяет образования, но и то, что их различает. Именно несходство помогает выявить признаки, различающие основы. Так, при обосновании этимологического тождества гл. *врї(аїи) / врз(а)їи* во внимание принимаются два момента: 1) вхождение глаголов в один тип морфонологических отношений, ср. **verg-* : **vorg-* : **vrg-* и **verz-* : **vorz-* : **vurz-* и 2) семантическое сходство (ср. *о-їїд-врїи*, *оїїдврїнуїи*, *оїїдврїи* ‘отправиться, двинуться в путь’, ‘отцепиться, отвязаться, освободиться’) (с. 186, 189). Поскольку образования с той и другой основой не поддаются разграничению, предлагается рассматривать их в рамках одного и.-е. гнезда с вариантами корней **uerg-* ‘вертеть, сгибать, свертывать’ и

**uerg'h-* то же и 'сжимать, сдавливать' (с. 194). Сближение основ привело к нарушению старых мотивационных отношений и развитию новых мотивационных связей. Однако в пестрой мозаике экспрессивных образований проступают следы унаследованных древних различий: в семантике одних славянских образований с основами *вр̑-* / *врз-* доминирует признак 'плести, вязать', семантика других мотивирована признаком 'отвергать, отбрасывать'. И это семантическое различие сохраняется на уровне индоевропейских соответствий: слова с основами *вр̑-* / *врз-* помещаются в разные этимологические гнезда: ср. русск. *-вергнуть* ~ лат. *vergere* 'склонять, поворачивать', русск. *-верзать* ~ лит. *veržti* 'завязывать, затягивать, жать' (Фасмер I: 295, 298). Поэтому едва ли можно говорить о тождестве глаголов, обнаруживающих глубокие различия не только на славянском уровне. В сложном переплетении связей важно выделить, вычленить примеры, отражающие разные линии мотивационных отношений.

Автор исходит из того, что семантическое сходство могло стать следствием контаминации лексем, формально близких. На с. 58¹¹⁷ высказывается мысль о том, что семантика с.-хорв. диал. *zàves*, *zavèdēm* 'изнемочь, обессилеть, истощиться, дойти до смерти (от болезни, голода)' (с. 58) могла сложиться на основе контаминации продолжений гл. **vęzti* и **vesti*, **vedq*. Заметим, что разные условия могли привести к развитию сходных, близких значений в разных этимологических гнездах. Предпосылки для развития значения, отмеченного для сербского диалектизма, заложены в семантических возможностях слав. гл. **vesti*, **voditi*, ср. русск. диал. *заводить* 'измучить вождением (о лошади)' (иркут., СРНГ 9: 324), *повесті: оморок повёл* 'о наступлении обморочного состояния у кого-н.' (смол., СРНГ 27: 232), *изводиться* 'погибать, умирать', 'ранить себя, увечиться' (перм., вят., костр., арх.), *изводный* 'болезненный, хилый' (арх.) (СРНГ 12: 109) и т.п. Диалектный материал, подтверждающий возможность семантического преобразования в направлении 'вести, водить' > 'изнемочь, погибать и т.п.', делает излишним предположение о семантическом влиянии гл. **vęzti*.

При определении фонетических вариантов глагольных основ в работе учитываются те процессы, которые могли привести к возникновению этих вариантов. В некоторых случаях именно с учетом экспрессивного чередования *ль* / *нь* в говорах Ускока исключается родство с.-хорв. *ко-вѣнѣйѣи* 'размножаться, плодиться', 'мучиться'

с формально близкими диалектизмами с корневым *-ь-* (ср. *заковињаџи* ~ *заковиљаџи* и т.п.) (с. 179). Однако можно привести и примеры, для которых предположение о фонетических изменениях в основах, носит необязательный характер. В статье, посвященной гл. *мез(і)аџи*, как фонетические варианты рассматриваются гл. *џе-љезјаџи* 'болтать, молоть всякую всячину' и *џе-мезјаџи* 'говорить бессвязно, бессмысленно' (с.262) с изменением в корне **mě* > *mje* > *m.ьe* > *ьe*. Однако для гл. *џе-љезјаџи* вполне допустима производность от **lezgati* / **l'azgati*, ср. русск. диал. *лязгать* 'пустословить, говорить что-л. неуместное и ненужное' и т.д. (ЭССЯ 14, 154), который при определенных условиях мог оказаться втянутым в семантически близкий ряд глаголов с экспрессивными формантами.

Книга М. Белетич богата новыми идеями, новыми подходами к интерпретации этимологически трудного материала. В силу особенностей экспрессивной лексики, находящейся на пересечении разных языковых процессов, в подавляющем большинстве случаев чрезвычайно трудно и даже невозможно выделить, проследить мотивационные связи, обусловившие преобразование формы и семантики слова. Автором в полной мере использованы заложенные в материале возможности интерпретации слова. Естественно, что предложенные автором решения не исключают других подходов к объяснению слов. Внутренние резервы этимологии могут быть расширены за счет нового диалектного материала, появления новых оснований для несколько иного понимания семантических связей и т.п.

Обращаясь к разбору некоторых рассматриваемых в работе глаголов, мы хотели бы в порядке дискуссии обратить внимание на вероятность, допустимость другой интерпретации этих глаголов.

Так, для с.-хорв. *за-ко-крдавџе* 3 ед. 'захиреть, завянуть; заскорузнуть' : *за-крдавџе* с тем же значением, *ко-крдав* прилаг. 'чахлый, недоразвитый, захиревший' : *крдав* 'мелкий, некрупный' (с. 52) с выделяемой корневой морфемой *крд-* предполагаются два возможных объяснения: 1) в плане формообразования допускается возможность сравнения с болг. *кокръдав* 'кудрявый', которое в БЕР (2: 543) соотносится с *кьдрав* и *кокора*; 2) с учетом семантики не исключается возможность сближения с с.-хорв. *крџав* 'неразвитый, чахлый', ср. *крџиџи* 'ломать, дробить' с допущением чередования *-g / -џ-* в финальной позиции (ср. *оскрџи* в ОС 63–64). Заметим, что существует еще одна возможность этимологического объяснения приведенных слов. На наш взгляд, отсутствуют серьезные препят-

ствия, формальные и семантические, для включения приведенных автором лексем в гнездо с основами **kьrd-* / **kord-* 'резать'. В пользу этого говорят русск. диал. *кóрдать* 'ходить, сгорбившись или приседая' (олон.) (СРНГ 14: 313), *ка́рдать шерсть* 'чесать, расчесывать шерсть' (олон.) (СРНГ 13: 85) и укр. *кородітися* 'жаловаться на боль, недомогать', *кородкий* 'больной, хилый, слабый', *кородливий* 'чувствительный к боли', *кородкий на ноги* 'слабый', блр. *карадіцьца* 'корчиться, ежиться, опасаясь боли', *карадівыі* 'боящийся всякой неприятности', польск. диал. *kródzić* 'укорачивать, сокращать' и т.п. Развитие значения 'слабый' на базе исходного 'резать' подтверждается слав. **kьrnati*, русск. *уломок* 'слабый, бессильный' и т.п. (Меркулова 1973: 55–58; ЭССЯ 11: 60).

Конечно, процессы контаминации, сближения этимологически разных образований, не могут не привести к нарушению отношений регулярного типа. Однако каждое отступление требует особого внимания. Просто апелляция к нерегулярным процессам не в силах объяснить многообразие вокализма, не сводимого к одному морфологическому ряду. Так, в одном гнезде оказываются глаголы с разной огласовкой в корне, не сводимой к одному типу чередований: ср. с.-хорв. *ис-йá-йулийи* 'завлечь, заманить' (со знаком вопроса), *о-йа-йулийи* 'огрбить, обобрать', *ис-йá-йольи* 'извлечь', *о-йа-йдлийи* 'мастерски обмануть, обобрать' (с. 87–88). Предполагается, что эти образования, не учтенные в словаре Скока, сложились на базе гл. *йулийи*, *йулийи* 'рвать, выдирать'. Допускается развитие вторичных значений в префиксальных образованиях на базе основного значения 'рвать, выдернуть, выдирать'. Сближение основано на допущении нерегулярных отношений корневого вокализма. Формы с корневым *-о-* определяются как фонетический вариант к *йулийи* (ср. семантически близкий гл. *ис-йдлийи* 'выгнать, изгнать'), но остаются неясными основания для такого допущения. Если же обратиться к Скоку, на которого дается ссылка в этой статье, то там с.-хорв. *pùliti* соотносится с *pàlj* 'haustrum, черпак' (Skok III: 73), истоки которого в гнезде слав. **polti* 'веять; черпать воду'. В рамках этого гнезда представлены образования со степенью редукции в корне (ср. с.-хорв. *pàlj*, русск. диал. *плуца* 'совок для зерна или муки'), с корневым вокализмом в ступени *-о-*, ср. цслав. **исполъ**, с.-хорв. *ispô*, *ispola* 'ковш для вычерпывания воды' и т.п., с отражением *l > u* в прич. *pû*, *pûla* и производном от него гл. *ispùljati* (Skok II: 594–595; Куркина 1981: 10–15). При ярко выраженной экс-

прессивной окраске возможны преобразование исходной семантики, влияние со стороны фонетически близких образований с другой исходной основой, ср. с.-хорв. *púkati* 'рвать, дергать', предположительно относимое к гнезду слав. **pelti, pelvq* 'полоть'. Тем не менее в допускаемом автором сближении остается много неясного, необоснованного.

Обозревая гнездо под номером 11) *?-vǐňajǐti*, автор отмечает, что можно лишь условно выделить эту основу в составе *ko-vǐňajǐti* и т.п., поскольку не зафиксирован глагол в простом виде без префикса (с. 179–180). Поиски генетических связей приводят автора к гл. *čavǔňajǐti* 'изнемогать', 'бедно жить, влачить существование', который соотносится с *ščavǔňajǐti / ščǎvǔňajǐti* 'ослабить; истаять, исхудать; высохнуть', *čáviǐti* 'прозябать, влачить жалкое существование', *kuňajǐti* 'дремать'. Автор допускает, что в этом экспрессивном диалектизме сошлись и переплелись разные линии развития. Но такое допущение требует более обстоятельного анализа, особенно если учесть различия в огласовке корня. Важно найти формальное основание для сближения *-vǐňajǐti* с глаголами с иной огласовкой корня, а если речь идет об основе *kov-*, то нуждается в объяснении исход на *-ǐňajǐti*.

Вероятно, семантика послужила основанием для признания гл. *belǐjǐti* вместе с разными префиксами (ср. *is-ko-belǐjǐti* 'сделать гримасу, искривиться', *ras-ko-belǐjǐti se* 'сесть, сильно расставив ноги', *? ke-belǐjǐti* 'гримасничать, искривиться' и др.) вариантом / параллелью к гл. *krévǐlǐjǐti* 'гримасничать; вращать глазами' и т.п. (с. 128). Известны разные опыты этимологического объяснения *is-ko-belǐjǐti* (1. родственно кашуб. *kobelǐc sq* 'сгибаться (о досках)' и др. < ср.-в.-нем. *kobel* 'лачуга, курятник, свинарник'; 2. сложение преф. **ko-* и прилаг. *обѣлъ, обѣль, обѣль*; 3. сравнение с русск. *кобениться* 'ломаться' и т.д.), но наиболее вероятной представляется реконструкция исходной формы **kobelǐ*, **kabelǐ* 'нечто округлое, закругленное' (Schuster-Šewc 576–578). Есть основания думать, что *is-ko-belǐjǐti* и т.п. принадлежат к гнезду слав. **kob- / *skob-* 'сгибать' (ср. русск. *скоба*) (Варбот 1979: 34–37). В рамках этого гнезда немало экспрессивных производных с разными формантами с семантикой 'сгибать' > 'кривиться' > 'ломаться, гримасничать': ср. русск. диал. *коб-ызѣтъся* 'вести себя надменно, гордо; упрячиться, ломаться', *коб-ызѣкъ* 'проворный, задорный человек', *кѣб-истый*

’упрямый, неуступчивый, с дурным характером’, *коб-зырится* ’упорствовать в чем-л., упрямитесь’, соотносительные с гл. *кобится* ’вести себя беспокойно, беспрестанно мотать головой, бить и рыть землю копытами (о животном)’ (СРНГ 14: 15–17). В таком контексте гл. *бельи́и* мог появиться вследствие морфологического переразложения, ложного выделения преф. *ко-*.

В самом материале, в неясности, неопределенности и подвижности мотивационных отношений заложены трудности в интерпретации глаголов. Рассуждая по поводу предлагаемых автором решений, мы лишь хотели обратить внимание на возможность иного подхода к пониманию внутренней формы этимологически трудных слов, что, естественно, может быть оспорено. Работа М. Белетич, как и другие исследования (ср. Ј. Влајић-Поповић. «Историјска семантика глагола ударања у српском језику». Београд, 2002), выполненные в рамках проекта «Этимологический словарь сербского языка», нацелены на решение задач, стоящих не только перед сербской этимологией. Книга М. Белетич представляет собой масштабное исследование, чрезвычайно интересное во многих отношениях. Большой материал, представленный в книге, свидетельствует о том, что участие экспрессивных формантов в образовании глаголов носит не случайный, эпизодический характер. Всем ходом исследования автор подводит к выводу о том, что выделенные экспрессивные форманты являются составной частью словообразовательной системы, функционировавшей в позднепраславянскую эпоху и эпоху самостоятельного развития отдельных славянских языков. Только с этих позиций, с учетом особенностей экспрессивных формантов могут получить объяснение многие темные слова славянского словаря.

Москва

Л. В. Куркина

Примечания

БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–6–. София, 1971–2004–.

Варбот 1979 – Варбот Ж.Ж. Славянские этимологии // Этимология 1979. М., 1981.

Куркина 1981 – Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология 1981. М., 1983.

- Меркулова 1973* – Меркулова В.А. Украинские этимологии. I // Этимология 1973. М., 1975.
- ОС* – Огледна свеска. Етимолошки одсек Института за српски језик. Библиотека Јужнословенског филолога. Нова серија, књ. 15. Београд, 1998.
- РСА* – Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Књ. I–XV – . Београд, 1959–1996–.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41–. Л.-СПб., 1966–2007–.
- Трубачев 1968* – Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М., 1971.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. акад. О.Н. Трубачева. Вып. 1–35–. М., 1974–2009–.
- ЭСУМ* – Етимологічний словник української мови. Т. 1– 5–. Київ, 1982–2006–.
- РЈА* – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Sv. I–XXXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Schuster-Šewc* – Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Band 1–24. Bautzen, 1978–1989.
- Skok* – Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Принятые сокращения

Авест.	–	авестийский
Арх.	–	архангельский
Блр.	–	белорусский
Вят.	–	вятский
Гл.	–	глагол
Диал.	–	диалектный
И.-е.	–	индоевропейский
Иркут.	–	иркутский
Кашуб.	–	кашубский
Костр.	–	костромской
Олон.	–	олонецкий
Перм.	–	пермский
Польск.	–	польский
Преф.	–	префикс
Прич.	–	причастие
Русск.	–	русский

С.-хорв.	–	сербохорватский
Слав.	–	славянский
Слвц.	–	словацкий
Ср.-в.-нем.	–	средневерхненемецкий
Чеш.	–	чешский